

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1830. N° XI.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Д Е Н Ъ П О Д Ъ В А Р Н О Ю .

(О т ч е т ъ д р у г у).

Предлагаемый здѣсь опрывокъ изъ моего походнаго журнала дастъ тебѣ понятіе, любезный другъ, о жишѣ - бышѣ нашемъ подѣ Варною. Чувствую, что ты, какъ знашокъ въ Литерашурѣ, найдешь много несовершенства въ первомъ моемъ опышѣ; но тебѣ также должно быть извѣстно, что я болѣе солдашъ, нежели Литерашоръ.

Сегодня (Сентября 1828-го), въ пятомъ часу утра, я пробужденъ былъ сильнымъ шумомъ. Вообразивъ, что въ лагерь тревога, я шоропливо схватилъ свою фуражку, полусаблю, и выбѣжалъ изъ палашки. Тупъ

я увидѣлъ свою ошибку. Солдаты собирались въ небольшіе отряды, и подъ командою офицеровъ выступали изъ лагеря, но только не противъ непріятеля, а въ разныя откомандировки: одни для содержанія цѣпи вокругъ шана, другіе для дѣланія шуровъ и фашиновъ, третьи готовились въ караулъ къ ставкѣ Государя и въ разныя иныя посланки. Казаки и денщики цѣлыми кавалькадами посѣщали на фуражировку, стараясь опередить другъ друга. Будучи въ этотъ день свободнымъ отъ всякой должности, и я захотѣлъ порыскать въ чистомъ полѣ. Я велѣлъ осѣлать себѣ лошадей, и пустился развѣзжась безъ всякой цѣли около военного шана.

Поля въ окрестностяхъ Варны усыяны роскошными плодами юга; я ѣхалъ между виноградными садами, узенькою тропинкою, которая привела меня на вершину высокой горы. Тупъ представилась моимъ взорамъ великолѣпная картина. У ногъ моихъ волновалось Черное море, покрытое кораблями и баркасами, изъ коихъ одни перевозили больныхъ и раненыхъ съ южной стороны крѣпости Варны, (гдѣ находился отрядъ Генераль-Адъютанта Биспрома), а другіе везли въ гавань съѣстные припасы. Съ правой стороны бѣлѣлся лагерь

Графа Воронцова; близъ онаго высокая насыпь камней служить, какъ говоришь преданіе, надгробнымъ памятникомъ Польскому Королю Владиславу Ягеллону и его храбрымъ сподвижникамъ. У самой подошвы сего кургана находишся площадь, посреди которой разбишны были палашки подукружіемъ — это гавань. Подобно шумному рою пчель, мелькали люди на сей площади и между палашокъ. Долго восхищался я сею разнообразною карпиною. Спустившисъ съ горы, подъѣхалъ я къ видѣннымъ мною палашкамъ, копорыя, какъ тушъ я узналъ, служили жилищемъ мащросамъ и для складки поваровъ.

Здѣсь съ удивленіемъ встрѣнилъ я шкиперовъ и мащросовъ почти всѣхъ націй Европейскихъ, хошя шорговля чрезъ Архипелагъ, по случаю войны, почти годъ какъ совершенно прекрапилась. Всѣ повары Госпинаго двора, Англійскаго магазина и Пешербургской Биржи можно было до-сшатъ въ палашкахъ и балаганахъ Варн-ской гавани. Краснощекіе Англійскіе и Голландскіе шкипера хладнокровно сидѣли съ цигарками во рпу, за спаканами грока и, казалось, обращали болѣе вниманія на драго-цѣнный напитокъ, нежели на покупщиковъ и свои повары, кучами и безъ всякаго

разбора раскиданные предъ ними. Дорогія Англійскія сукна лежали подлѣ кочановъ капусты, шелковыя пикани подлѣ боченка съ сельдями и мѣшковъ съ картофелемъ. Изъ 15-ти червонцевъ, бывшихъ у меня, я испрашилъ здѣсь 13, купивъ себѣ Англійскаго сукна на мундиръ, два кочана капусты (*), двѣ бушылки рейнвейна и нѣсколько десяпковъ апельсиновъ. Можесть бытъ, я и не ограничился бы сими покупками, но увидѣвъ не вдалекѣ отъ гавани нѣсколько палатокъ, огромнѣе тѣхъ, которыя я уже осмопрѣлъ, и заключивъ, по этому, что и товары въ нихъ должны бытъ лучшіе, я подѣхалъ къ нимъ съ твердымъ намѣреніемъ оставить въ оныхъ и послѣдніе два червонца. Не успѣлъ я опѣхатъ и десяти шаговъ, какъ услышалъ позади себя громкій крикъ. Оборотясь, увидѣлъ я четырехъ армейскихъ егерей, несущихъ раненаго своего товарища, который кричалъ жалобнымъ голосомъ: „да, рапуйте же, рапуйте мене, добрые люди, кто вируе въ Бога!“

По его лицу и произношенію, я догадался, что онъ долженъ бытъ рекрутъ и

(*) Кочанъ капусты продавался не мѣнѣе 2-хъ руб. ассигнац.

Малороссіянинъ. „Какимъ образомъ ты раненъ, другъ мой?“ спросилъ я, подѣхавши къ нему.

— „Якимъ! да ишѣлъ подлѣ пращей; „глядь — а мни прямо на встрѣчу кашиш-ся по дорози пуля, чи ядро, не знаю якъ „по вашему прозываютъ; я хошивъ ее „сповкнулъ съ дороги, а она, якъ скажи-„на (*) прямо мни въ ногу (**).“

Во всякое другое время подобное простосердечіе молодого рекрута могло бы меня разсмѣшить, но, видя его спираданія, я пронунъ былъ до глубины сердца. Дѣйствительно, нога его висѣла только на волоскѣ. Съ грустнымъ чувствомъ продолжалъ я свой путь, и наконецъ, подѣзжая къ палашкамъ, увидѣлъ хромого солдата. „Опъ чего ты храмлешь, служивый?“ спросилъ я у него.

„Проклятая бусурманская пуля заставила меня, Ваше Благородіе, пролежать съ мѣсяць въ госпиталѣ,“ отвѣчалъ онъ: „но теперь мнѣ, слава Богу, лучше: могу уже самъ и безъ костыля передвигать свои

(*) Какъ бѣшеная.

(**) Подобный анекдотъ случился лѣтъ 20 тому на Волковомъ полѣ, при разбитіи такъ называемыхъ городковъ.

ноги; такъ и выпросился у начальства, опустивъ меня снова въ траншеи; вѣдь солдаты въ военное время нужень Государю (*); да къ тому жъ и для нашего брата въ траншеяхъ лучше: всякой день идешь порція вина и фунтъ говядины; а кашицы — ѣшь въволю! За то спасибо бусурманамъ: безъ работы не дадутъ соскучиться; то и дѣло, что слышишь крикъ, особенно передъ свѣтомъ: вылазка! и вдругъ, какъ пчелъ изъ улья, высыплетъ ихъ изъ крѣпости и прямо на насъ — да и поидетъ потѣха! . . . Иногда случается, что по десяти бусурманъ лѣзутъ на одну Христіанскую душу, да гдѣ имъ, Ваше Благородіе, противъ насъ! закричимъ: ура! ударимъ въ штыки; только шуфли перяютъ да и увлекаются обратно въ свою крѣпость.“

Отдавъ ему, подержавъ свою лошадь, вошелъ я въ ближайшую изъ палатокъ. Въспомогательныя и прихотей роскоши, что я здѣсь увидѣлъ? Боже мой! множество больныхъ, раненыхъ, полумертвыхъ распростертыхъ на полу! Это былъ военный госпиталь. Въспомогательной дѣя-

(*) Собственныя слова сего храбраго рядового 14-го Егерскаго полка.

шельности и шумной веселости, видѣнныхъ мною за нѣсколько минутъ, тушь поразили мой слухъ болѣзненные стоны. Холодный потъ выступилъ по всему моему тѣлу, когда я помыслилъ, что чрезъ нѣсколько дней, чрезъ нѣсколько часовъ, можешь быть, и я могу лежать подъ симъ ужаснымъ навѣсомъ! О всесильная власть воображенія! Я спрадалъ, взирая на смертельныя муки меня окружающихъ, но не въ силахъ былъ выйти изъ палатки, не могъ опорвать глазъ, искавшихъ ранъ наиболѣе спранныхъ; душа какъ будто невольно желала постигнуть, что будетъ и съ моимъ слабымъ тѣломъ, когда и ему назначено преперлѣть такія же спраданія; какъ вынесетъ ихъ оно? Свѣтъ, проникая сквозь бѣлое пологно спавки, еще болѣе увеличивалъ блѣдность лицъ злополучныхъ жертвъ войны. Но гдѣ воображеніе и разсудокъ пренецуютъ, тамъ являешься ты, первая, свѣтѣйшая утѣшительница наша — Вѣра! Ты сулишь вѣнцы безсмертія за тебя и опечесство убіеннымъ. Въ послѣднюю минуту жизни, распростертый на мягкомъ ложѣ, окруженный плачущими родспвенниками 80-пи-лѣтній счастливецъ вѣрно позавидовалъ бы участи сего 20-пи-лѣтняго воина,

раненаго пулею въ грудь на вылетъ, и закрывающаго глаза свои навѣки съ кропкою улыбкой. Но что разнѣживашь себя! подумаль я: мнѣ ли, Русскому солдату, питаешь такія мысли? зачѣмъ упѣшашь самого себя, когда еще мнѣ нѣтъ нужды въ упѣшеніи, когда руки мои могутъ еще, за славу и честь Русскаго имени, наградить непріятелей такою же участію, оплашительнѣе тѣмъ, чему позавидоваль бы во-пи-лѣшній счастливецъ? Если пуля не-премѣнно желаешь встрѣпшишься съ моимъ лбомъ или грудью — милости просимъ! вѣрно не одинъ я опправляюсь на топъ свѣтъ въ эту минушу: на людяхъ и смерть красна!

Услышавъ, что пріѣхаль Государь, я поспѣшилъ въ небольшую палатку, куда только что принесень былъ Гвардейскаго Егерскаго полка Юнкеръ, К —, тяжело раненный въ плечо. Палатки находились въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, и я могъ слышать каждое слово Государя, посѣщавшаго больныхъ. Его Величество съ отеческимъ участіемъ изволилъ спрашивать каждого больнаго. Иныхъ упѣшалъ словами, другимъ раздавалъ деньги, на шрепъихъ надѣвалъ Георгіевскіе кресты. Вышедши изъ большой па-

лашки, Государь пошелъ прямо къ той, гдѣ я находился, и услышавъ отъ Доктора, что рана К — очень опасна, Его Величество обратился къ больному съ сими словами: „Жалѣю очень, К —, что съ побоею случилось такое несчастіе; но что же дѣлать? Это участь войны. Тѣперь не въ моей власни этому помочь; но если тебѣ пріятно, что я первый поздравляю тебя офицеромъ, то я очень радъ, въ полной надеждѣ, что ты скоро въ состояніи будешь продолжать службу уже въ офицерскомъ чинѣ.“ — И тутъ же Государь изволилъ возложить на него знакъ военного ордена. Выходя, Государь поручилъ нѣкоторымъ изъ Своей свиты узнать о денежномъ состояніи молодаго К—. Глаза мои наполнились слезами Высокій Другъ человѣчества! подумаль я: кто знаетъ Твое сердце, кто видѣлъ Тебя въ сію минуту, тошъ легко повѣришь, для чего Ты взятію Конспантинополя предпочель миръ!

Государь со всею свитою поѣхаль къ горѣ, гдѣ находился телеграфъ, а я поѣхаль на корабль Парижъ, для свиданія съ однимъ моимъ знакомымъ, находившимся въ свитѣ Его Величества, и осматрѣвъ внутренность корабля, подивился великолѣпію;

устройству сего пловучаго дворца. Только шумъ волнъ и качка напоминали, что основаніе его очень зыбко. Чрезъ полчаса переѣхалъ я на баркасѣ снова на берегъ; въ два большіе кулька уложилъ свои покупки, привязалъ ихъ къ сѣдлу, и поскакалъ обратно домой, п. е. въ лагерь. Было 12 часовъ, когда я возвратился. Товарищи собрались ко мнѣ, чтобы узнать, не привезъ ли я какихъ новостей. — „Кто всталъ съ солнечнымъ восходомъ и провелъ нѣсколько часовъ на конѣ, тому на пощій желудокъ не выгодно рассказывать новости, сказалъ я имъ: милости просимъ со мною къ Веберу, господа; тамъ я перескажу, что видѣлъ, что слышалъ; да кспати попробуемъ рейнвейну, котораго двѣ бутылки я привезъ изъ гавани.“ — Всѣ охотно приняли мое предложеніе. Чрезъ пять минутъ сѣдла мы за роскошнымъ завтракомъ, который бы показался таковымъ не для одного бивачнаго аппетита, но и для прихотливѣйшаго гаспронома. Спросили вина — и душистое, искромешное, неумолчно прославляемое клико зашипѣло въ нашихъ спаканахъ. „Да скажи пожалуй, какъ и гдѣ, въ пустынныхъ степяхъ явился у васъ роскошный завтракъ?“ — спросишь ты меня, домождь Петербургскій. — Въ палаткѣ, или

респораціи Одесскаго купца Вебера, которая величественно возвышалась въ нѣсколькихъ шагахъ за лагеремъ Главной кварширы. О, Веберъ былъ великій человѣкъ! онъ пользовался большою славою во всемъ военномъ станѣ. Расчисливъ, и весьма вѣрно, 1-е) что, простоявъ цѣлыя супки на полевомъ пикетѣ, промокнувъ до костей, весело возвратиться въ свою спавку, гдѣ кипящій чайникъ и бутылка хорошаго рома васъ ожидаютъ; 2-е) что молодые люди чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ скорѣе желаютъ насладиться прелестями жизни, что они амброзій и нектару Елисейскихъ полей или струямъ Леты, предпочтутъ кошельки и шампанское, — онъ рѣшился всею выщеписаннымъ угодить нашему брашу, разумеется съ нѣкоторою пользою для себя. Такъ и должно! Деньги ему были нужнѣе, нежели намъ, потому, что онъ надѣялся прожить долѣе насъ, пріѣхавши въ лагерь съ оружіемъ мира, со сковородами, вмѣсто щинновъ, и вертелами — вмѣсто мечей. Залпъ его артиллеріи никого не могъ ужаснуть; напрошивъ, онъ разливалъ, вмѣсто мороза, пріятную теплоту по всемъ членамъ. Все, чѣмъ можно поддержать жизнь, укрѣпить тѣло, начиная отъ осьми-копѣчной будки до паштелеа, и отъ

лимоннаго сока до сока лучшихъ виноградниковъ, находилось подъ мирнымъ полопнянымъ его кровомъ. Правда, о цѣнѣ его товаровъ и спрашивать нечего: вы напередъ каждую спрашиваемую вами вещь умножаете на десять, судя по Пешербургскимъ цѣнамъ — и счетъ вашъ вѣренъ! Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что кромѣ Веберовой, за лагеремъ Главной квартиры, находилось еще нѣсколько маркишантскихъ палатокъ Бѣлевскихъ купцевъ, гдѣ можно было достать по же за самую умѣренную цѣну; но они были — Русскіе, и пошому посѣщали ихъ только люди средняго состоянія съ весьма хорошимъ аппетитомъ и пощимъ кошелькомъ, кошорымъ ставка Вебера казалась болѣе неприступною, нежели Варнскія стѣны.

Не успѣли мы кончить нашего завтрака, какъ вдругъ ужасный прескъ, необыкновенно сильная перепалка заставили насъ выскочить изъ-за стола. Выйдя изъ палатки, мы увидѣли толпу, бѣгущую на *Невскій проспектъ*. Здѣсь предоставляю тебѣ самому на минушу отгадывать причину преска, и поспѣшу предупредить всякія восклицанія и недоумѣнія на счетъ *Невскаго проспекта*, перенесеннаго къ Варнскимъ стѣнамъ. Изъ картины: *видъ Варны*, написан-

ной Живописцемъ Дезарно, можно видѣть, что лагерь Главной кварширы расположенъ былъ на высокой горѣ; у ея подножія находилась Варна, омываемая съ одной стороны моремъ, а съ другой лиманомъ; на противоположной горѣ находился опрядъ Генераль-Адъютанша Биспрома, занимавшій Константинопольскую дорогу. На самой же вершинѣ первой горы сдѣланы были дерновыя скамьи и поставлена зрительная труба, въ которую можно было видѣть Варну, какъ на ладони; не только малѣйшее движеніе войскъ было замѣтно, но даже на всякомъ человѣкѣ, идущемъ по улицѣ, вы явственнно могли бы отличить цвѣтъ его плаща. Вообще видъ съ этого возвышенія — удивительный. Съ лѣвой стороны море, по коему развѣвались флаги военныхъ кораблей, которые извергали предъ вашими глазами цѣлый адъ на упорныя стѣны крѣпости, и производили морскіе маневры, удивлявшіе насъ своею быспрошою и новостію подобнаго зрѣлища. На сіе-то возвышеніе собиралась почти ежедневно, во 2 или 3-мъ часу по полудни, большая часть жителей Главной кварширы смотрѣть на дѣйствіе осадной нашей артиллеріи; шуть можно было встрѣтитъ Посланниковъ, Каммергеровъ,

Генераль и Флигель-Адьютаншовъ, офицеровъ Гвардіи, дипломатическихъ чиновниковъ, находящихся въ свитѣ Государя, придворныхъ пѣвчихъ, священниковъ, коммисіонеровъ, солдатъ и маркишаншовъ. Вотъ по чему сіе мѣсто назвали Невскимъ проспектомъ.

Взрывъ мины былъ причиною преска; ружейная и пушечная пальба, стукъ камней, крики: ура! все это смѣшалось въ одинъ громкій гулъ. Когда этошъ шумъ немного стихъ, и густыя облака порохового дыму и пыли разсѣялись надъ Варной, мы замѣнили на прошивуположной горѣ ужасный дымъ и сильную пушечную перепалку. Это было сраженіе между опрядами Генераль-Адьюшанта Биспрома и Пашаи Омеръ Вріони.

Такъ какъ было еще только два часа, то я, въ намѣреніи купить себѣ верховую Турецкую лошадь, отправился на *сольный рынокъ*, находящійся съ версипу отъ Главной кварширы, за лагеремъ 2-ой пѣхошной гвардейской дивизіи, въ которомъ оспавались въ это время одни только больные и слабые; нѣкоторые изъ полковъ сей дивизіи находились въ шраншеяхъ, а другіе въ опрядѣ Генераль-Адьюшанта Биспрома. — Узкая улица между рядами пала-

шокъ и балагановъ, покрытыхъ рогожами, указали мнѣ путь къ вольному рынку. Кто изъ Пешербургскихъ жителей не бывалъ, хотя изъ любопытства, на толкучемъ рынкѣ, или, по крайней мѣрѣ, не слыхивалъ объ немъ? — Вольный рынокъ во всемъ уподобляется ему шумностию и изобиліемъ.

Едва я могъ пробраться сквозь толпу солдатъ, Цыганъ и Булгаръ, тѣснившихся у палатокъ, маркипановъ, торговавшихъ преимущественно солдатскимъ поваромъ: одинъ спрашивалъ на два гроша курипельнаго табаку, другой требовалъ нѣсколько аршинъ крашенины, третій мѣлу и нишокъ, четвертый двадцатикопѣчную булку; иной кричалъ, продираясь сквозь толпу: — „господинъ маркипанъ, опусти „на 8 копѣекъ постнаго масла“ (вѣроятно для смазки ружейныхъ курковъ), и эшопъ господинъ маркипанъ въ одно и то же время удовлетворялъ требованіямъ придцати человекъ съ удивительнымъ проворствомъ! Особенно осаждаемы были балаганы, изъ коихъ клубился ароматическій паръ горячаго сбишня. На эшопъ рынокъ каждый *воленъ* былъ нести продавать все, что хочешь. Тутъ вы увидите солдатъ разныхъ полковъ: одни за без-

цѣнокъ отдавали дорогія Турецкія оружія, еще, такъ сказать, дымящіяся въ крови; иные несли продавать старые выслуженные мундиры, сапоги со шпорами, рейтузы съ голубыми и красными выпушками, прострѣленные фуражки и другія солдатскія вещи; прешьи, въ надеждѣ сбыть опнятыхъ ими ошъ непріятеля ословъ и муловъ, ѣздили на нихъ верхомъ по рынку. Захотите купить одного изъ сихъ длинноухихъ животныхъ? — заплашите рубль мѣдою — и онъ вашъ!

Множество солдатъ, столпившихся подлѣ низенькаго, изодранною рогожею покрытаго, шалаша, обратили мое вниманіе; я любопытствовалъ заглянуть въ сей балаганъ. Вообрази себѣ небольшую ямку, вырытую въ землѣ и обсыпанную внутри горячею золою (вѣроятно для осушенія); въ этой ямѣ старый Булгаръ, съ засученными рукавами, мѣсилъ тѣсто грязною палкою; подлѣ него разведенъ былъ огонь, на копорѣ въ большой сковородѣ кипѣло баранье сало; небольшою деревянною лопаткой онъ доставалъ тѣсто изъ ямы и бросалъ на сковороду — вопль вамъ и бивачныя алады! Дары же Бахуса ручьями лились изъ сороко-ведерныхъ Булгарскихъ бочекъ въ солдатскія манерки. Я

спросилъ у одного изъ эшихъ солдатъ: нѣтъ ли здѣсь продажныхъ Турецкихъ лошадей?

„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе! А извольте ийти въ лагерь *** Уланскаго полка, (который примыкалъ къ самому вольному рынку): тамъ вы вѣрно найдете много продажныхъ лошадей, отбишыхъ вчера у Турокъ.“

Я послушался этого благоразумнаго совѣта, и только что выкарабкался изъ тѣсной улицы вольнаго рынка, то дѣйствительно увидѣлъ на правой сторонѣ у коновязи нѣсколько Турецкихъ лошадей, подлѣ которыхъ расхаживалъ Уланскій Рошмиспръ, съ большими сѣдыми усами, въ длинномъ свѣтлосинемъ сюршукѣ и съ огромною пенковою трубкой. Его почтенный видъ внушалъ къ нему невольное уваженіе, а Георгіевскій крестъ и двѣ серебряныя медали, украшавшія его грудь, свидѣтельствовали о долговременной и храбрости его службъ. — Я объяснилъ Рошмиспру причину моего прихода въ ихъ лагерь.

„Весьма сожалею, отвѣчалъ онъ, что не могу удовлетворить вашему желанію; всѣ эти лошади уступлены мною поваращамъ, которымъ нужно поспѣе ѣхать обратно на южный берегъ Варны; подѣ

ними во время вчерашняго жаркаго дѣла, почти всѣхъ лошадей перебили. . . .

По крайней мѣрѣ, благодаря Бога, сами остались въ живыхъ, сказали я.

Однако жъ нашъ Роммиспръ (подхватилъ одинъ изъ споявшихъ подлѣ Уланскихъ офицеровъ) не слишкомъ-то дешево отдѣлался опъ Турокъ, которыхъ толпа, наскочивъ на него, принялась было, кпо пикой, кпо кинжаломъ, кпо япаганомъ, . . . и если бъ не подоспѣли Лейбъ-казаки, то мы лишились бы самаго храбраго нашего товарища. — Тупъ только я замѣшилъ, что дѣйствительно у Роммиспра сюртукъ былъ распоротъ, и въ двухъ мѣстахъ, казалось, чѣмъ-то какъ будто былъ пропкнутъ.

Неужели вы поѣдете снова въ сраженіе, неперевязавъ даже своихъ ранъ? спросилъ я у Роммиспра.

„Ничего; — кровь шеперь ужъ заперлась на ранахъ, и я не чувствую большой боли.“ — Тупъ онъ сѣлъ на Турецкаго жеребца, распрощался со мною, бышь можетъ, на - вѣки, — и поскакалъ снова на поле брани.

Весьма сожалѣю, что забылъ фамилію сего храбраго офицера.

Я опложилъ до другаго дня свое намѣреніе купить Турецкую лошадь, и пошель обратно въ свой лагерь; по дорогѣ же изъ шалости купилъ я у одного солдата красиваго мула за 1 руб. 20 коп.; но какъ дорого наказанъ я былъ за сію шалость! — Не зная сноровки эшого упрямаго живошнаго, я взлѣзъ къ нему на спину и поѣхаль рысью въ лагерь, — пріѣхавъ, я хотѣлъ было слѣзть; но не шутъ-то было! — Покуда я сидѣлъ на моемъ мулѣ, онъ былъ совершенно смиренъ; но лишь только замѣшилъ намѣреніе мое слѣзть съ него, то вдругъ, какъ бѣшенный, спалъ бить задними и передними ногами, и визжалъ во все горло! — Такъ какъ я былъ не изъ опличныхъ кавалерисповъ, то съ горестію увидѣлъ, сколь запруднительно было мое положеніе, и если бѣ пріѣхавшіе ко мнѣ на помощь солдаты не набросили веревокъ на шею и на ноги моего мула, то долго бы я вынужденъ былъ сидѣть на спинѣ сего злаго и упрямаго живошнаго!

Было четыре часа; мой желудокъ давно уже напоминалъ мнѣ о обѣдѣ; я, по обыкновенію своему, отправился въ шракирь Зеленкова. — С. Петербургскій купецъ Зеленковъ (племянникъ извѣстнаго закройщика покойнаго Государя), добровольно

принявшій на себя званіе маркишанпа Гвардейскаго Корпуса во время послѣдней Французской войны, не хотѣль опсшпань опъ Гвардіи и въ нынѣшнюю Турецкую кампанію: онъ завель подь Варной пракширь въ лагерѣ при Глазной кварширь. У него всегда былъ очень хорошій обѣдъ изъ 5 блюдь съ чашкою кофе за 4 рубля ассигнаціями — довольно еще дешево, судя по заграничной дороговизнѣ съѣспныхъ припасовъ.

Обширная спавка Зеленкова находилась подлѣ палашки Вебера. — Войдя въ пракширь, я опъ удивленія опскочилъ назадъ, увидѣвши шупъ пансіонскаго моего товарища С —, о которомъ давно носился слухъ, что онъ убилъ въ траншеяхъ! . . . Многіе изъ записныхъ вѣсповщиковъ увѣряли, что видѣли его убиваго, а другіе клялись даже, что присутствовали при его погребеніи! . . . Онъ узналъ меня, и бросился обнимать. Послѣ первыхъ минушь воспорга, я объяснилъ ему причину моего удивленія.

„На это я буду опвѣчать тебѣ Русскою пословицею,“ сказалъ С —: Господа вѣсповщики видно слышали звонъ, да не знали опкуда онъ. — Дѣйствительно шолько чудомъ избавился опъ смерти! — Слушай.

„Нѣсколько дней тому назадъ, былъ я съ ротой въ траншеяхъ на работѣ; вдругъ слышимъ мы крикъ: бомба! — Я поспѣшно упалъ на землю, а на меня въ-торопяхъ еще взвалился (на свою бѣду) нашъ унтеръ-офицеръ. Когда жъ догадался я по треску, что бомбу разорвало, то хопѣлъ — было вспасть, но не могъ! Что жъ я увидѣлъ, выкарабкавшись изъ подъ унтеръ-офицера? У сего несчастнаго раздробленъ былъ черепъ осколкомъ бомбы, а мой сюртукъ весь обрызганъ былъ его мозгомъ и кровью! Какъ не приписать теперь моего спасенія истинному чуду?“

Къ несчастію сихъ господъ, вѣсповщиковъ, нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ это время за однимъ столомъ, съ погребеннымъ ими С —; по лицу ихъ можно было судить объ ихъ замѣшательствѣ.

„Вы видѣли, господа (сказалъ С —, обращаясь къ нимъ), мертвое мое шѣло, присутствовали при погребеніи моемъ, и вѣрно не откажешесь теперь выпить за здоровье воскресшаго мертвеца, который ни мало не сердится за паннихиду, отправленную вами по его душѣ?“

Сначала: „*Климычъ укрѣдкою лигалъ на Петра*“; а Пётръ ссылался, что слышалъ объ этомъ на Невскомъ проспектѣ отъ са-

мыхъ вѣрныхъ мюдей. . . . Нѣсколько бокаловъ шампанскаго помогли однако жъ симъ господамъ оправившись отъ небольшого ихъ замѣшательства, и возвратили имъ прежнюю веселость и гошовность отслужить снова по комъ бы то ни было заранѣе паннихиду.

Очаровательная *Увертюра* изъ *Бѣлой Волшебницы*, (*la Dame blanche*), которую играли въ это время наши полковые музыканты, манила насъ выйти изъ душной палатки на чистый воздухъ.

Музыка гремѣла во всѣхъ концахъ военного стана. Вечеръ былъ прекрасный. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не нарушало спокойствія моря; въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались высокія мачты кораблей. Лошади и мулы, нагруженные сѣномъ и пшеничною соломой, пѣхнулись гуськомъ въ лагерь изъ фуражировки. Полный сладостныхъ мечтаній, смотрѣлъ я, какъ послѣдніе лучи заходящаго солнца догорали на высокихъ шпицахъ Варнскихъ мечетей. Все было тихо. . . . Вдругъ поднялась сильная перепалка; траншеи и долина, примыкавшая къ стѣнамъ крѣпости, вспыхнули и освѣтились, какъ будто иллюминаціею, отъ батареиной и ружейной пальбы! Конгревовы ракеты, бро-

саемыя въ крѣпость, описывали за собою огненные эллипсисы; ручныя гранаты цѣлыми огненными *букетами* сыпались изъ крѣпости въ траншеи; бомбы непріятельскія, казалось, спалкивались съ нашими свѣпящимися ядрами. . . . Но скоро непріятель, сдѣлавшій вылазку, прогнанъ былъ обратно въ крѣпость; ружейная перепалка мало по-малу начала стихать; батареи перекликались между собою рѣже и рѣже; вспыхнувшіе огни погасли.

Я возвратился въ свою палатку, съ утомленнымъ тѣломъ и головою, наполненною разнообразными воспоминаніями этого дня.

Н. Лукьяновичъ.

Лагерь при кр. Варня.

1828 года.

